

■ Размышления над книгой

В. И. Белов

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ:

ГЛОБАЛЬНОЕ, НАЦИОНАЛЬНОЕ, РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ.

Под ред. М. Н. Грачёва и Н. А. Борисова. –

М.: Мир философии, 2016. – 464 с.

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.1.4998

Белов Вячеслав Иванович – кандидат философских наук, доцент,
кафедра социологии и гуманитарной культуры, НИЯУ МИФИ

Общие впечатления

Монография написана авторским коллективом преподавателей факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета. Преподавательский состав predetermined стиль книги: менторский в позитивном значении этого слова. Очевидно, что такой стиль имеет множество оттенков. Одни главы представляют собой обзоры литературы, другие – выглядят как конспекты лекций, третьи – содержат в себе аналитические научные статьи, четвертые – предлагают результаты документального исследования. Представляется, что такой подход вполне оправдан, он даёт возможность представить многообразие методов изучения политического проектирования. Ещё одним сугубо положительным фактом является представленная в монографии богатая библиография. Каждая глава, а их восемнадцать, заканчивается обширным списком литературы. Таким списком сопровождается и введение, и заключение. Для исследователей политического проектирования – это настоящий клад, преподнесённый на блюде. В книге четыре раздела соответственно названию: глобальное, национальное и региональное измерения и приложение, с анализом опыта политического проектирования на постсоветском пространстве.

О предмете рассмотрения

Авторы монографии неоднократно напоминают, что политическое проектирование сравнительно новое направление исследований в рамках политической науки, «находящейся в стадии своего становления...» (с. 9). Одно из определений даётся через сравнение с политическим прогнозированием: «...проектирование представляет собой форму конкретизации вероятностных результатов прогнозирования как в широком управленческом, так и в политологическом контексте»

(с. 11). На наш взгляд, самое важное в предлагаемом ракурсе рассмотрения политического проектирования состоит в том, что создание проекта с самого начала предполагает воплощение замысла, заложенного в проекте.

Раздел первый.

Тренды и нормативные основы политического проектирования

По замыслу авторов, в этом разделе предполагается проанализировать мегатенденции (долговременные тренды) развития общества на глобальном уровне. Представлены четыре таблицы международных трендов. По сути, речь идёт о политическом прогнозировании. Задумываешься: а возможно ли политическое проектирование на глобальном уровне (глобальное измерение)? Политическое проектирование предполагает субъекта-заказчика для разработки проекта и субъекта, воплощающего этот проект в жизнь. На глобальном международном уровне неоткуда взяться таким субъектам. Другое дело, когда речь заходит о мегатенденциях КНР, разработанных Дж. и Д. Нейсбит по личному предложению Цзян Цзэминя. Здесь субъектом выступает правящая Коммунистическая партия КНР. По содержанию все восемь мегатенденций подходят под определение политического проектирования. Такая же история и с концепцией долгосрочного развития России на период до 2020 года, имеющей силу закона. Но и в первом, и во втором случае речь идёт о национальных проектах.

В первом разделе обращает на себя внимание анализ неудавшихся проектов по демократизации. Речь идёт о странах, что сравнительно недавно получили государственную независимость. К началу XXI века в странах «новой демократии» случились так называемые «откаты»: от демократических к авторитарным, а то и диктаторским режимам. А произошло то, что по русской поговорке называется «запрягать телегу впереди лошади». При проектировании не была принята в расчёт важнейшая закономерность, сформулированная ещё А. де Токвилем. Её суть – в соблюдении последовательности. Первичным в деле политической модернизации является укоренение в сознании граждан ценностей самовыражения. А для этого необходимо два условия: высокий социально-экономический уровень развития страны и равенство условий существования населения. И лишь на этой основе возможна успешная политическая модернизация с утверждением всеобщего избирательного права.

В первом разделе интересны рассуждения о факторах, влияющих на легитимность политических проектов. В основном эти факторы связаны с типом политического режима. В государствах с авторитарным режимом политические проекты более разработаны и пользуются поддержкой граждан. Какие грандиозные проекты разрабатывались и воплощались в жизнь в Советском Союзе! Впору писать историю политического проектирования. В государствах переходного режима политическое

проектирование находится в неразвитом состоянии, «а сами проекты при этом сводятся большей частью к разработке сценариев и постановке «перфомансов», основной целью которых становится повышение уровня легитимности власти правящей элиты путём использования популистских методов» (с. 97). По поводу политического проектирования в государствах с демократическим режимом написано совсем немного. Надо понимать, их судьба складывается непросто. Демократия плюралистического типа при принятии национальных проектов требует массу согласований. Правда, может выручить общегражданский плебисцит. Но он возможен далеко не по каждому вопросу.

Читая эту книгу, трудно обойти своим вниманием главу, посвящённую антипроектам. Что же это такое? Где находятся критерии, позволяющие «развести» проект и антипроект? Оказывается: таким критерием является время. Если ценностные основы проекта лежат в далёком прошлом (например, в периоде деятельности общины первых сподвижников пророка Мухаммеда), то перед нами антипроект. В обратном случае, если ценностные основы лежат в плоскости современных цивилизационных представлений (в первую очередь о добре и зле), то перед нами проект. Так получается, что антипроекты второй половины XX и начала XXI веков связаны с исламом фундаменталистского толка. Это талибы Афганистана, всемирная террористическая организация Аль-Каида и теперь ИГИЛ. Эти примеры как раз свидетельствуют о наличии именно политического проектирования в строго понятийном смысле этого термина. Действительно, такие проекты, а тем более их реализация, угрожают современной цивилизации. Однако термин «антипроект» вызывает некое отторжение. Есть политическое проектирование, ядром которого является проект или же никакого проекта и нет. В данном ракурсе рассмотрения, третьего не дано. И ещё: приписывая к термину «проект» отрицательную частицу «анти», мы задаём оценочную шкалу, что по большому счёту, не допускается в научных изысканиях.

Раздел второй. Государство и общество: институциональное проектирование

Этот раздел примечателен тем, что в нём излагается опыт политического проектирования в современной России, даётся характеристика политического режима российского государства, рассматриваются проблемы партийного строительства и политического лидерства. Обращает на себя внимание таблица «Динамика значений индикаторов качества правления для России», составленная по данным мониторинга Института Всемирного банка (с. 164–165). На основании этих

данных делается вывод о низком уровне публичности и участия гражданского общества в принятии решений. Такую же картину выявляет исследование, проведённое Институтом социологии РАН в марте 2016 года, согласно которому эмпирические данные свидетельствуют об отчуждении подавляющей части россиян от политики и процессов принятия социально значимых решений [Российское общество..., 2016: 176–194]. Подобное положение вещей обусловлено тем, что исключительное право определения целей и приоритетов развития страны принадлежит президенту, то есть, по сути, одному лицу. Активность гражданского общества также блокирует избыточный прагматизм политической элиты, направленный на сохранение статус-кво. Сама постановка вопроса о проектировании гражданского общества заставляет задуматься о возможности влияния на подобные процессы. Здесь видится противоречие. Гражданское общество «питается» инициативой, энергией граждан государства. В этом смысле оно вырастает и развивается как бы спонтанно. В том случае, когда предполагается проектирование гражданского общества, то необходимо задуматься о заказчике и исполнителе проекта. В ситуации низкой активности таковым может быть только государство, которое будет «строить» гражданское общество по своим лекалам, что в принципе противоречит сути этого социально-политического образования.

В отличие от гражданского общества, возможность проектирования партийной системы со стороны государства не вызывает сомнений. Процесс партийного строительства в постсоветской России прослеживается довольно подробно. Динамика проектирования партийной системы обнаруживает некую закономерность. Первоначально, на этапе перехода от монополии КПСС к многопартийности, процесс носил несколько хаотичный характер. В дальнейшем, активная, определяющая роль в развитии партийной системы стала принадлежать федеральным и региональным властям. В конечном счёте, мы наблюдали процесс осуществления проекта создания многопартийной системы с одной доминирующей партией. Похоже, что этот проект завершён. В книге предлагается новый проект многопартийной системы бинарного типа, «политического катамарана». Важно, что авторы предлагаемого проекта не ограничиваются лишь предложением, а формулируют три условия его осуществления. Первое условие – национализация политической элиты. Второе – обеспечение действительной конкуренции политических партий. Третье – департизация институтов государственной и муниципальной службы.

Раздел третий. Политическое проектирование на региональном и местном уровне

Эта проблематика, без сомнения, одна из важнейших для России. По сути, речь идёт о взаимоотношениях федерального Центра и субъектов Федерации. По мнению автора одиннадцатой главы, эти отношения нельзя считать удовлет-

ворительными. Нехороши они были и в эпоху «многоголосия 90-х», и в эпоху «региональных баронов». Современная эпоха «вертикали власти» нехороша тем, что не даёт возможности регионам выстроить горизонтальную коммуникацию. Все коммуникации осуществляются через Центр. В результате, как красиво выражается автор, отсутствует единый язык, на котором могли бы общаться регионы. Региональная Россия «корчится безъязыкая» и «попадает в стальной каркас» власти. Автор предлагает создать новое единство на основе признания и постулирования «разности», «разноречия» и «разномыслия». Однако для проекта новых отношений между Центром и субъектами Федерации этого, пожалуй, недостаточно. Следующая глава посвящена проектированию бюджетной политики субъектов Российской Федерации. Здесь подробно рассматриваются три основных вида альтернативных проектов бюджетной политики: «выживание»; устойчивое развитие; модернизация и реформирование. И самое важное: описывается методика финансового способа определения приоритетов бюджетной политики. Эта методика, разработанная автором, имеет практическое значение.

Раздел четвёртый.

Проектирование политических институтов на постсоветском пространстве в начале XXI в.: основные тенденции и результаты

Этот раздел можно считать неким приложением к предыдущему рассмотрению трёх измерений политического проектирования. Здесь мы прочитаем и подумаем о тех политических процессах, что происходили в трёх постсоветских государствах: в Украине, Грузии, Узбекистане. Перед нами документальное исследование, поскольку основным источником являются государственные документы. Это сравнительный анализ трёх кластеров трёх государств: форм правления, избирательных и партийных систем. В политической науке как, может быть, ни в какой другой трудно быть объективным, беспристрастным. Кажется, что у автора четвёртого раздела, это получилось. Он использует методы индексирования и шкалирования, как заёмные, так и те, что им разработаны. В частности, исчисляется индекс формы правления по десятибалльной шкале, которая измеряет уровень полномочий президента и парламента. В случае сбалансированности полномочий индекс будет равен нулю. Кроме того, исчисляется уровень институционализации института президентства по шкале от нуля

до шестнадцати баллов. А так же исчисляется индекс конкурентности института президентства по шкале от нуля до двадцати трёх баллов, когда конкурентность становится максимальной.

Политические трансформации в трёх государствах на постсоветском пространстве рассматриваются в основном за период 2000–2015 годы. По Украине из таблицы на странице 366 мы видим, как меняется («плывёт») индекс формы правления в течение этого периода. В 2000-м г. он был равен «+6», в 2006-м — «+2», в 2010-м — «+6», в 2014-м — «+2». Эти индексы отражают перманентный процесс пересмотра Конституции в части полномочий президента и парламента. В Грузии политическое проектирование связано с серьёзными трансформациями всей политической системы. Если посмотреть на таблицу «Индекс формы правления Грузии в 1995 – 2010 годах» на странице 396, то обнаружим революционные изменения: от «+7» в 2005 году до «-1» в 2010-м. Это означает, что произошёл переход к парламентско-президентской форме правления, при которой главой государства становится премьер-министр.

Анализ политических процессов в Узбекистане обнаруживает, что индекс форм правления равен нулю, что свидетельствует о сбалансированности институтов президентства и парламентаризма. Правда, этот эмпирический факт сопровождается такими фразами, как «внешняя неизменность», «политическая реформа носила имитационный характер», «партии и выборы есть пустые институты», «существует несоответствие формальных и неформальных институтов». Однако на самом деле за последние пятнадцать лет в Конституцию государства внесено девять изменений, касающихся статуса и полномочий президента, в результате чего он постоянно находится на первом сроке пребывания у власти. Таблица «Конкуренция на президентских выборах в Узбекистане в 2000 – 2015 годах» на странице 419 показывает, что выборы 2000, 2007 и 2015 годов были неконкурентными.

Методика сравнительного индексного анализа позволила выявить ряд закономерностей. В качестве примера приведём некоторые из них, касающиеся условий стабильности политического режима.

Сочетание низкого уровня индекса институционализации института президента при высоком уровне конкуренции свидетельствует о наименее стабильном режиме.

Низкая институционализация института президентства, сочетающаяся с низкой конкуренцией, как правило, ведёт к стабилизации режима.

Потенциал укрепления режима лежит в плоскости институционализации конкурентности. В случае слабости институционализации вкупе с направленностью на ограничение конкуренции вполне возможен переворот.

Действительно, выводы, сделанные автором четвёртого раздела по итогам анализа политического проектирования в трёх постсоветских государствах, столь значимы, что требуют отдельного осмысления. Остаётся лишь посотовать, что

исследователь ограничился только тремя государствами. Хотя, сутья по реплике, имеющейся в тексте, это всего лишь начало. На наш взгляд, неплохо бы включить в число объектов исследования и Россию.

Резюме

Авторы монографии убедили, что политическое проектирование как одно из направлений в политической науке действительно перспективно.

Для доказательства такой перспективности авторы многое сделали, в том числе они представили немалое количество разнообразных методик исследования данной проблематики.

Монография, представляющая собой агломерат разнообразных подходов, стилистически далеко неоднородная, тем не менее, оставляет впечатление целостности. Сие есть большое искусство редакторов этой монографии.

Список литературы

Политическое проектирование: глобальное, национальное, региональное измерение / Под ред. М. Н. Грачёва и Н. А. Борисова. Мир философии, 2016. 464 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга четвёртая / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. 400 с.

Дата поступления в редакцию: 09.11.2016

